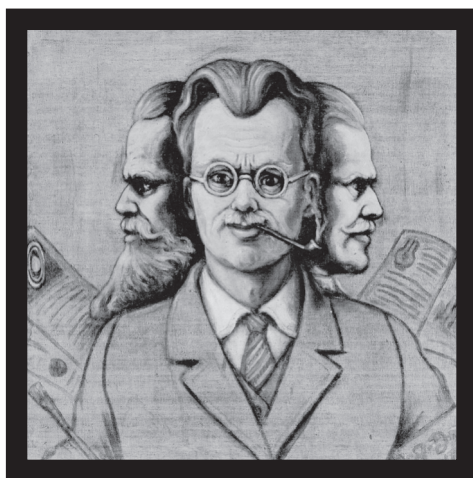

Перекрёстки N 1-2 / 2005

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ

КОНСТРУИРУЯ ПРОШЛОЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИДЕОЛОГИЙ (УКРАИНА И МОЛДОВА)

Колись ніяких кнопок не було,
а люди були здорові, їли тіки сало
і картоплю і жили сто двадцять літ.
Лесь Подерв'янский, «Утопія»

«Грандиозной ложью всей своей жизни Баудолино
доказал, что лжи исторической на свете
в принципе не существует, потому что история –
это не то, что было, а то, что
рассказывается и тем самым создает
для общества опору и прецедент».
*Елена Костюкович, комментарий
к «Баудолино» Умберто Эко*

Искажение истории есть часть бытия нации.
*Эрик Хобсбаум (вольная трактовка известного
тезиса Эрнеста Ренана)*

Цель предлагаемой статьи – анализ современных национально-государственных идеологий Украины и Молдовы. В качестве объекта исследования избраны два знаковых, как мне кажется, текста для каждой из этих стран Пограничья. Это книга Л. Кучмы «Украина – не Россия» и «История Молдовы» В. Стати. Оба они – суть послания, своеобразные меседжи власти как своему народу, так и народам соседних стран.

Мне показалось вполне уместным использовать для анализа этих текстов методику двух американских социологов М. Левинджера и П. Литл. Во многом они отталкиваются от идеи К. Колхауна, что национализм – это дискурсивная формация, предоставляющая коллективные формы риторики

различных движений и политических практик. Центральное место в концепции Левинджера – Литл занимает положение о том, что все национальные движения развиваются в соответствии с некоторыми общими образцами. Сигналами начала национальной мобилизации являются обращения (послания) национальной элиты к массам, отражающие ее (элиты) представления о соответствии статуса нации в настоящем, прошлом и будущем некой идеальной желаемой модели. Эти заявления структурируют опыт нации и предлагают программу действий, обычно в форме инверсии причин кризиса. Их структура и содержание поразительным образом совпадают у различных народов и в различные времена. Все они имеют общую триадоподобную схему, в которой идеализированные образы прошлого и будущего противопоставлены убогому настоящему. Вариации касаются идентификации истоков и виновников национальных бедствий.

Такая модель нарратива не только стимулирует политические действия, но и определяет причины национального упадка и предписывает специфические действия, необходимые для его преодоления. В контексте нарратива все три элемента представляются в виде серии бинарных оппозиций, противопоставляющих какие-либо из состояний (прошлое – настоящее, настоящее – будущее). Сотворяемый миф артикулирует смысл, помещая кажущиеся несвязанными события в согласованную последовательность или упорядоченную реальность. Цель националистической риторики – связать пространство воображаемого с пространством действий и, таким образом, добиться присоединения своей аудитории к коллективным акциям. Триадоподобная схема создает символические оппозиции при помощи серии нарративов о потерях и обретениях. Они подчеркивают пропасть между идеальным состоянием и реальностью. Именно в смешении бинарных оппозиций (прошлое против настоящего и настоящее против будущего) кроется взрывоопасная энергетика националистической мобилизации. Националистическая риторика не только структурирует требования, но и определяет идентичность акторов. Сам факт принадлежности к национальному сообществу предполагает участие каждого конкретного индивидуума в коллективной борьбе. Создание и/или сохранение групповой идентичности является решающим элементом национальной мобилизации.

По мере того как национальные элиты завоевывают поддержку аудитории, они прибегают к смене дефиниций причин кризиса и, как следствие, действий. Чем более тяжелыми или многочисленными являются потери, тем больших усилий требует восстановление национального статуса. Эскалация действий может быть заранее спрогнозирована благодаря анализу содержания риторики.

Триадоподобная схема национальной риторики не уникальна: она характерна для христианских нарративов, а также классических мифов о «золотом

веке». Миллениаризм и консервативное движение за возвращение к «семейным ценностям» также эксплуатируют эту парадигму. Феминизм и рабочее движение – наоборот.

Славное прошлое

Славное прошлое суть некое изначальное состояние нации в качестве чистого, единого и гармоничного сообщества.

Многие историки и теоретики национализма отмечали буквальную одержимость его идеологов поисками исторических корней своих движений. Один из парадоксов национализма, замечает Б. Андерсон, состоит в том, что, несмотря на свою очевидную модерность, он всегда стремится представить свою историю не иначе как укорененную в глубине веков. Любой национализм примордиален – спекулирует на якобы существующей древности, исконности своей традиции.

Конструирование славного прошлого действительно универсальная черта националистической риторики. Б. Андерсон считает, что продуцирование истории есть не что иное, как средство преодоления ощущения «случайности» национализма. Изобретение национальной идентичности в данном случае предстает не как результат стечения обстоятельств, а как нечто вечное и сакральное. Согласно К. Колхауну, «дискурс национализма сам по себе неизбежно предполагает дискурс этнического происхождения». Обращение к истории придает национализму основательность и законность. Мифические образы содержат специфический набор добродетелей, которыми нация должна овладеть для достижения своего изначального величия.

«Искажения истории» играют важнейшую роль в развитии мобилизационных процессов. При этом примордиалистские нарративы не имеет смысла рассматривать с точки зрения критериев истинности/ложности, сложившихся в сфере социального знания. Это, скорее, эффективная стратегия националистических социальных движений, средство артикуляции социально значимых лозунгов.

Идеолог Дж. Мадзини утверждал, например, что итальянский национализм носит интернационалистский характер, ибо Италия была объединителем мира. Первый раз это произошло, когда «наши победоносные орлы пересекли весь известный мир от начала и до конца и тем самым приготовили его объединение посредством цивилизующих институтов, и второй раз, когда гений Италии проявил себя в Папстве и... предпринял миссию объединения душ христианского мира».

Описания славного прошлого нации программируют потенциальные направления массовой мобилизации. Например, болгарские националисты считали в XIX в., что языком нации должна быть его наиболее чистая форма, ли-

шенная заимствований. Это язык деревни, где он чище, чем в городах, населенных кроме болгар турками и греками. Не случайно, что политическая программа болгарского национального возрождения была нацелена на языковой пуризм и славянизацию фамилий.

Политическим деятелям часто бывает очень тяжело отыскать подходящий прецедент для сиюминутных целей национальной борьбы. Робеспьеру, например, пришлось искать демократические примеры за пределами Франции, которая никогда в прошлом не была республикой. Э. Смит отмечает, что мифология и символизм нации всегда представляют ее «проект» и «этику». Образ «Золотого века» может запрограммировать будущее этнии и даже путь к нему.

Миф о «Золотом веке» помимо его временной и пространственной локализации неизбежно включает в себя «галерею героев», микронарративов, исключительно важных для необходимого националистической риторике объединения мира воображаемого с миром реальных действий. Впрочем, «жития» национальных героев – неотъемлемый компонент описаний не только славного прошлого, но и убогого настоящего.

Убогое настоящее

Убогое настоящее есть результат прохождения идеального в прошлом национального сообщества через серию трагических событий, подорвавших его целостность. Ключевым моментом этой части риторики является идентификация причин национального упадка. Категоризация потерь – исключительно важный момент в демаркации нации как сообщества. Принципиальное значение имеет в данном случае сам жанр обращения к потерям. В этом контексте естественно возникает и проблема идентификации врагов, приписывания им ряда идентифицирующих качеств, как-то: коварства, цинизма, лицемерия и т. д. Виновость агентов упадка нации определяется или имплицитно, или эксплицитно.

Разрушение языковой чистоты часто предписывается действиям другой нации. При этом утрата языковой и/или культурной чистоты часто воспринимается лишь как свидетельство более значительных травм. Это исключительно важный символ, по сравнению с которым все остальные потери могут выглядеть менее значительными.

Целенаправленная де-туркизация фамилий в XX в. означала, что проявление османского наследия в какой-либо форме угрожает целостности болгарской нации. В манифесте алжирской независимости «Несчастные мира сего» Ф. Фенона утверждалось, что европейские империалисты лишили африканские народы политической автономии посредством разрушения их исконных культур. Во всех этих случаях рассуждения о культурной деградации являются ключевым аргументом критики подчиненного политического положения на-

ции. В XIX в. немецкий националист Ф.-Л. Ян, основатель националистического гимнастического движения, утверждал, что германцам никогда не преодолеть витальные последствия позорного Вестфальского мира, ибо он нарушил расовую чистоту германского народа.

Чувствительность нации к внешнему воздействию часто объясняется ее собственным моральным разложением. Дж. Мадзини считал, что униженное положение итальянской нации было последствием падения нравов аристократии, не способной мыслить категориями великой державы.

Нарративы убогого настоящего, таким образом, служат акцентирующим механизмом выражения группового недовольства. Они преувеличивают и сгущают негативизм настоящего социального существования или переформулируют как несправедливое и аморальное то, что ранее казалось неудобным, но все-таки терпимым.

Необходимо подчеркнуть, что убогое настоящее не есть что-то только сиюминутное. Это состояние может длиться столетиями.

Утопическое будущее

Утопическое будущее – это проект национального возрождения, инверсия или отрицание существующего ненормального состояния и создание идеального национального общества. Утопическое будущее представляется достижимым только благодаря коллективным усилиям, в результате которых нация способна преодолеть трудности, все то, что обусловило ее деградацию, и вернуть себе свое изначально гармоничное состояние.

Один из идеологов немецкого национализма Э. М. Арндт следующим образом «объединял» пространство воображаемого с пространством действий: «От Северного моря до Карпат, от Балтики до Альп, от Вислы до Шельды одна вера, одна любовь, один дух и одна страсть должна объединить весь германский народ в братский союз. Не должно быть больше ни католиков, ни протестантов, ни пруссаков, ни австрийцев, ни саксонцев, ни баварцев, ни силезцев, ни ганноверцев. Германцы должны научиться чувствовать, как велики, могущественны и удачливы были их предки под одним императором в одной стране». Арндтовское представление о политически и духовно едином сообществе – один из вариантов утопии. Для Яна гармонический век – это результат национального образования и расовой чистоты. Для Робеспьера – установление первой подлинной республики в мире. Для Мадзини – создание такой страны, которая будет величественнее и могущественнее, чем при цезарях и папах.

Диагноз и рецепт

Помимо серии бинарных оппозиций прошлое, настоящее и будущее связывают диагностические и прогностические структуры. Диагноз национальной деградации определяется посредством идентификации внешних и внутренних агентов, разрушивших сообщество, а также собственно перечня нанесенного ущерба (утрата территории, лингвистической или расовой чистоты, политическое деление, моральный упадок).

Предписание действий, необходимых для национального возрождения, выражается как инверсия диагноза посредством коллективной борьбы. Отличительная черта националистической риторики состоит в том, что диагноз и предписание являются зеркальными отражениями друг друга. Так как предписание суть инверсия диагноза, любое обращение к прошлым страданиям является имплицитным призывом к современным действиям.

* * *

Украина не Россия

«Эдем» согласно Л. Кучме – это прежде всего сама Украина. «Мне и самому всегда ясно слышалось, – отмечает он, – в названии “Украйна” слово “рай”, к тому же такой рай, который надежно “укрывает” своих обитателей». И в самом деле, «вид белостенной хаты под соломенной четырехскатной крышей – на мой вкус, одно из самых прекрасных зрелищ на свете. А если возле нее еще сады вишневый ...».

Эдем – это еще и Украина в виде гетманщины. «Украина “отстоялась” в качестве Гетманщины. Она была неизмеримо более автономной, чем СССР. Гетманщина – ключевой компонент истории... национальная украинская держава с ярко выраженными демократическими чертами политического устройства и социально-экономических отношений. ...Украинская культура (тогда) стояла существенно выше российской». И даже «в конце XVIII в. в Украине все еще самое грамотное население в империи». Прекрасна, впрочем, была скорее сама идея. Леонид Данилович (Кучма) это понимает. «Если бы созданное Богданом Хмельницким выжило, стало бы украинским чудом, новым словом в развитии европейской государственности – демократически устроенная держава, опирающаяся на класс свободных мелких земледельцев-казаков, то есть фактически вооруженных фермеров, на крестьян, арендаторов и на вольные города... Воистину слишком хорошо, чтобы сбыться».

«После эдема» не так уж все и было плохо. Леонид Данилович «не склонен демонизировать политику царской России по отношению к украинцам, она ощутимо мягче политики Франции в Провансе и Бретани». «Украину нельзя называть колонией России, – неоднократно подчеркивает Л. Кучма, – она часть

имперской метрополии. Это не потерянное время». Потому что «немалая часть нашей современной территории... это земли, отнятые Российской империей (а значит, и Украиной) у турецкой Оттоманской империи...».

Хотя, конечно, империя остается империей. «Москва оттянула у нас, особенно в послевоенные годы, множество прекрасных дарований». «Этот колоссальный налог активными людьми никто на Украину специально не налагал, но поступления по нему шли исправнее, чем по любому другому». Но это скорее следствие переизбытка украинских талантов, чем империалистического грабежа: «Платили», конечно, все части империи, но я почему-то убежден, что относительная доля Украины превышала вклад других. Украинцы – прирожденные служаки... украинцы честолюбивы, украинцы артистичны, украинцы предприимчивы».

Главная же жертва империи – украинский язык. В 1989 г. 23% населения Украины не знали украинского языка, в том числе 2 млн украинцев. Накануне независимости «украинский язык был близок к состоянию катастрофы». Украинский язык и сегодня не в лучшем положении. Даже теперь, когда достигнуто главное – независимость, каждый очередной год – это преодоление преград.

Определение языка как главной жертвы далеко не случайно, хотя, казалось бы, в Украине и других проблем более чем достаточно, да и империи можно было бы предъявить куда более значительный счет. Но язык – это символ, и, о чем пишут Левинджер и Литл, его утрата – индикатор более серьезных потерь.

«Герои» – это прежде всего западные украинцы. У них «европейская ментальность украинского народа проявляется нагляднее, предметнее всего... есть “уважение к личности”». Причем «у западных украинцев это в крови. Они вежливые. Они учтивее нас, мягче». У них – уважение к законности. А отсюда – уважение к собственности. «Галицкие националисты» оказываются куда толерантнее «интернационалистов» Востока и Юга. Все это следствие европейского влияния. Данила Галицкий был королем, одним из европейских королей. Западная Украина «раньше Киева попала в зону действия Магдебургского права».

Но главное «преимущество (Западной Украины) – в сознательном украинстве... (которое) есть дар Божий». Западные украинцы исключительно преданы своему языку, это они сберегли его от поглощения.

Коллективным героем выступают и казаки с их безумной смелостью и гордой независимостью. Вот характеры, вот цельность!

Казак Богдан Хмельницкий и личный герой Леонида Даниловича. Ему посвящено около 10% всей книги. Л. Кучма укоряет даже таких пророков украинства, как М. Грушевский, П. Кулиш, Т. Шевченко, за то, что не жаловали Б. Хмельницкого, который «подарил нашу независимость Москве». И зря. «Знай Т. Шевченко, что выбранный гетманом путь, несмотря на протяженность и тяготы, все-таки ведет к независимой Украине, он, возможно, нашел бы для Богдана более теплое слово».

Л. Кучма восторгается эрудицией Хмельницкого – тот читал латинские тексты. Он автор Зборовского мирного договора с Польшей – «по сути, первой конституции Украины. Именно с этого времени весь Старый Свет, и Россия в том числе, признали державу Хмельницкого в качестве отдельного государственного образования с собственной территорией на обоих берегах Днепра, с ясными, а не приблизительными границами, своей армией, судом, вероисповеданием, органами управления и, надо отметить особо, языком». Что же касается союза с Россией, то «наверняка гетман тысячу раз обдумал свой шаг» и «каким-то *сверхчеловеческим* чутьем Богдан выбрал единственно правильный путь». И суть его состоит в том, что гетман решил предоставить Украине возможность попользоваться Россией. ... «Не зря сказал о Хмельницком Костомаров: “Дело его не на десятки лет, а на целые века. Вот это и в самом деле за гранью постижимого”. Неужели он мог предвидеть, что в составе России Украина соединится с Волынью и Подолией? Что она выйдет к Черному и Азовскому морям, обеспечив себе этим будущую экономическую базу?».

Так, «благодаря Хмельницкому, одним из главных чудес мировой истории стало появление в XVII в. <...> новой страны, сумевшей затем сохранить свою жизнеспособность на протяжении столетий. ...Запущенные Хмельницким процессы вели к цели вопреки всему. Самое поразительное, что руками *мучителей* Украины Бог вернул ей, казалось, на век утраченные части».

Конструирование «нового Богдана» совсем не случайно. Вот как нужно обходиться с неизбежным злом – Россией. Апология гетмана – суть апология политики самого Леонида Даниловича.

Еще один пример – Антон Головатый, выторговавший у Екатерины казацкую автономию на Кубани. «Полная независимость, как при Богдане, была нереальной. Не ставя перед собой недостижимую цель, он добился максимума достижимого. Мог бы пойти на Петербург и умер бы героем. Но он действовал иначе. Он – одно из воплощений украинца. Упрямство в нем совершенно непротиворечиво сочетается с гибкостью, хитрость с умом, чувство долга с прагматизмом, реализм с целеустремленностью, талант дипломата со здоровым цинизмом (который можно назвать знанием человеческой натуры), природное чувство юмора с артистизмом».

Не менее примечательна апология Мазепы. Л. Кучма несколько раз подчеркивает, что он был одним из самых богатых людей Европы. И что в этом плохого? «Богатство не мешало Мазепе быть горячим патриотом Украины. Причина предательства Мазепы “не в деньгах, не в легкомыслии, не в карьере (ему около 70)”. Боль и страх за судьбу Украины – вот что двигало им. Целью же была ее независимость».

Характерно, что другие герои Украины выглядят блекло на этом фоне. Дежурные возвышенные фразы о Т. Шевченко («пророк, сумевший “расшифровать” Божий замысел об Украине, Божье послание о ней»), Котляревском, Ско-

вороде. То же самое, но с более глубоким подтекстом об украинцах – цивилизаторах России. «Московию превратили в Россию не немцы Петра, а хохлы Елизаветы»... Зерно истины в этом есть. Украинцы принимают участие в становлении петербургского классицизма. «Малороссийский» дух проникает всюду. «Без украинского участия, – заключает Л. Кучма, – Россия не стала бы тем, чем она стала, это была бы другая страна... другой была бы культура... другим сложился бы даже русский язык». В общем, это наша, украинская Россия и империя. Примечательно, что в ряды украинских просветителей наряду с Л. Зизанием, П. Берындой, М. Смотрицким попал и С. Полоцкий, как «выпускник Киево-Могилянской Академии» (!).

«Враги» – это прежде всего русские, мучители, как пишет Леонид Данилович. Серия бинарных оппозиций демонстрирует их «инакость» украинцам, которым «претила самоуверенность “москалей”, их пройдошливая манера ведения дел. Даже появился глагол “москалить”, то есть плутовать». «Среди русских я чаще, чем среди украинцев, встречал людей, тяготившихся своим делом и потому делавших его плохо. Среди них (русских) нет трепетного отношения к закону. У украинцев как-то больше почтения к порядку и власти, это видно даже по тому, что в украинском селе священник и учитель (люди, поставленные властью) всегда были почитаемы больше, чем в русском».

Во всем русские хуже украинцев. «Дерево быстро сереет... и русский бревенчатый дом довольно скоро приобретает не очень веселый вид. ...Даже зажиточное русское село выглядит бедным. Русская деревянная деревня самым своим обликом не очень вдохновляет жителей, не настраивает их на хозяйственную неумность, на изобретательность в быту. Украинские собраты опускают руки много реже – эстетика не позволяет».

Даже название «Украина» лучше, утверждает Л. Кучма, приводя высказывание С. Шелухина: «Насколько много говорит народное имя Украины душе, совести и сердцу, настолько имя Русь не вызывает к себе высоких и интимных чувств и привязанности, ибо было присвоено владыками в знак торжества над покорившимся народом».

И вообще, Россия – евразийская страна, причем в известном смысле более азиатская, чем европейская.

Русские и в лице денкинцев были враждебны Украине, «не признавали культуры... желали ее гибели и развала». И последние несколько лет «такие люди... опять в ассортименте». Леонид Данилович в доказательство цитирует: «Национально мыслящие русские люди ради будущего русского народа не должны ни под каким видом признавать прав на существование за государством “Украина”, “украинским народом” и “украинским языком”. История не знает ни того, ни другого, ни третьего – их нет». И еще цитата: «России совершенно не нужен сильный украинский президент, сильная Украина». Впрочем, «все это маргиналы», утверждает Л. Кучма. Русские националистические страсти разго-

раются в большей мере именно в Украине. Но каких-то других русских в его книге не заметно.

Враги вообще со всех сторон. «Турция... в последние годы выступает в качестве покровительницы и защитницы интересов крымских татар и даже православных гагаузов ... что не может не волновать нас». «В общественных кругах... (Польши) есть силы, которые мечтают о том дне, когда украинские города... станут польскими. И мечтают они об этом совсем не молча». С поляками вообще давние счеты, они даже хуже русских: «Как бы ни тяжело было под гнетом московских властей, он (Мазепа) знал, что гнет польских панов был бы для него еще тяжелее». Правда, говорится об этом как бы вскользь. «Тема перекраивания... границ периодически всплывает и в Венгрии, попусту будоража людей».

Что же делать? Во-первых, «необходимо по-хозяйски распоряжаться всем, чего мы набрались (sic!) и от России, и от Запада». Интересно, что Леонид Данилович издает **«предписания»** не только украинцам. «Многим людям русской культуры еще предстоит изжить в себе имперский комплекс и осознать русский народ равным среди других равных народов». И не следует выдвигать территориальные претензии на «земли, отнятые Российской империей (а значит, и Украиной) у турецкой Оттоманской империи в результате политики, которую сегодня принято называть имперской, и затем заселенные российскими жителями – в основном, украинцами и русскими. Эта страница истории перевернута и ревизии не подлежит, как не подлежит ревизии превращение Египта фараонов в арабский или греческого Константинополя в турецкий Стамбул».

А вообще врагов нужно прощать. «Мы уже не можем отдать под суд Екатерину или Сталина. Да Сталин бы еще и оправдался... заявив, что он великий собиратель украинских земель. То же утверждала бы и Екатерина».

Пусть исторические обиды остаются именно историческими. Когда-то монгольский хан Батый сжег Киев и тем самым положил конец Киевской Руси. Но в моем сердце нет сегодня неприязненных чувств к Монголии. Современные крымские татары не несут ответственности за своих предков...».

«Светлое будущее» Украины – в Европе. Помимо европейскости западных украинцев на это работает география. «По своим размерам Украина стоит на первом месте в Европе. Географический центр Европы находится на украинской территории, в Закарпатье. Мне представляется это символичным», – отмечает Л. Кучма. «Украина соткана из отчетливо разных регионов. Украине в этом отношении близка Польша. Близка Испания. Близка, собственно, любая европейская страна достаточных размеров ...».

Пожалуй, самое потрясающее – «нумерологическое» объяснение неизбежности победы европеизма. Леонид Данилович обращает внимание на «удивительную арифметическую закономерность. От крещения Руси до независимости Украины прошла тысяча лет. Она делится на три равных отрезка, каждый

из которых был отрицанием предыдущего. От Переяславской Рады до независимости – 337 лет. Примерно “на полпути” от крещения до Рады в 1321 г. Киевщину захватывает Гедимин. Что же мы видим? От крещения до Гедимина – Украина в русле восточно-христианской традиции. Следующая треть – западное влияние, западно-восточный синтез. Последняя треть – возвращение в православный культурный круг.

Но вот истекла и эта треть. В какой новый цивилизационный цикл мы вошли?.. Сейчас настал черед преобладания “римского”, а лучше сказать западного».

* * *

Молдова – не Румыния

«История Молдовы», утверждает ее автор В. Стати, – это приглашение к спокойному и честному раздумью. Особо умиляет в этом контексте помещенная на с. 40 таблица «Динамика этнолингвистической ситуации в Молдове. XIV – середина XIV вв. (sic!!!)» с точностью до 5(!) человек.

Впрочем, это не случайно. Молдова – страна исключительная. «В мире немного стран, которые начали бы писать свою историю с первых десятилетий своего существования. Молдова одна из таких стран». Это подлинный **«эдем»**, и «если бы боги из греческих легенд узнали об этих местах, они наверняка поселились бы здесь, покинув свои горы». Молдова – благодатная земля. Сладкозвучен молдавский язык, само название Молдова. А «этноним молдаван (молдовень) – один из самых древних на юго-востоке Центральной Европы. Во всяком случае древнее названий других соседних с Молдовой народов».

Молдова – это земля, где мудрость доминирует над волей. «Это страна осмотрительных людей с душевным характером, которая дала великих гениев».

«Эдем», впрочем, всегда связан с конкретными **«героями»**. Молдавский «эдем» – это государство Штефана Великого. Путь к нему был долгим. «Возникновение самостоятельного Молдавского государства в 1359 г. было не только следствием борьбы... за национальное освобождение, но и предпосылкой политического порядка: все возрастающая воля жить свободно и мирно трудиться на своей земле, в своей стране, управляемой своими воеводами».

Штефану Великому посвящено 60 из 420 страниц текста (около 15%). В. Стати дает ему емкую и выразительную характеристику – «прозорливый политик, умелый администратор, хороший хозяйственник».

Прежде всего – он последовательный проводник централизованной власти. Штефан Великий «обновил централизованный аппарат государства, привлекая верных людей, надежных патриотов, витязей из средних слоев населения». Структурой института «господарства» Молдова выгодно отличалась от

соседних стран, самостоятельно определяя и творя свою судьбу. Штефан Великий заботился о реорганизации армии. Отстаивал справедливость, как ему предписывал закон. Был рачительным хозяином. «Вследствие его политики по консолидации общества... ремесла развивались интенсивно». История Молдовы, в отличие от Валахии, подчеркивает В. Стати, имеет богатую историографию. «У основания ее стоял... самый известный ее сын – Штефан Великий». Он – строитель множества церквей и т. д.

«Штефан... не вел ни одной захватнической войны», – утверждает В. Стати. И тут же добавляет: «Кампания в Покутию (1490 г.) являлась сугубо карательной экспедицией». Она была вызвана и оправдана «двуличием польских, впрочем, как и венгерских, королей...». «Штефан... не мог оставить безнаказанным подобное лицемерие...». «Летом 1490 г. он вторгается в Покутию...».

В. Стати подробно описывает методы правления великого государя. «С особой жестокостью наказывал господарь тех, кто пытался подрывать его власть, устои страны. 16.01.1471 г. по его приказу были обезглавлены крупные бояре: Исаея ворник, Негрилэ чашник и Алекса стольник, которые имели злой умысел против господаря и против государства. Недовольство господарем многих бояр, малых и больших, выявилось еще в 1467 г.: одни предали на поле брани (*Битва у Бая*), другие – выступив открыто против господаря на юго-западе страны. После победы у Бая Штефан казнил за предательство или за неадекватное выполнение боевого задания 20 крупных бояр, которые были обезглавлены, и 40 малых бояр, которых посадили на кол. Даже в конце своей жизни господарь не позволял боярам не выполнять его решения. В начале июня 1504 г. Штефан Великий назначает наследником своего младшего сына Богдана. Некоторые бояре воспротивились этому решению. По приказу господаря они были обезглавлены. Времена были жестокие. Молдова находилась под постоянной угрозой». «Чтобы сохранить независимость, – констатирует В. Стати, – надо было постоянно укреплять централизованную власть». Не утаивает автор и того, что Штефан Великий был «человек невысокого роста, гневливый и быстро проливал невинную кровь; часто на пиршествах убивал без суда». Ну и что? «Был он человеком со всем тем, что было характерно для людей и для властителей тех времен: все человеческое ему не было чуждо». Интересное человеческое качество – «проливать невинную кровь». Но все равно, подчеркивает В. Стати, «Штефан III своими знаменитыми военными операциями и звонкими победами, искусными дипломатическими, политическими действиями, своими культурными, духовными деяниями действительно был и останется ВЕЛИКИМ. Несмотря на то, что Великий Воевода, как любая политическая личность, имел завистников и злопыхателей. (Таких он имеет и сегодня. Современные завистники украли его у Молдовы и перекрасили в “румына”»).

Кто из «героев» может сравниться со Штефаном? Разве что «предки молдаван, свободные даки, которые не были в римских цепях, сохраняли свой язык,

традиции, образ жизни, а потом в виде восточнокарпатских романцев мирно сосуществовали со славянами в X–XII вв.».

Все остальные правители, а тем более интеллектуалы, теряются на фоне Великого Штефана. Даже Николай Милеску Спатару – первый молдавский ученый, писатель, дипломат, достигший мировой известности, и ученый-энциклопедист Димитре Кантемир, автор фундаментального труда «Описание Молдовы». Единственное исключение – «один из первых этнологов Европы, великий молдавский летописец Мирон Костин опередил на многие века все этнические теории XX в. Даже с точки зрения III тысячелетия наследие его заслуживает всяческого признания... ибо он автор первого этнологического трактата о молдаванах на молдавском языке «О племени молдаван». Непревзойденной. Игнорируемой. Преданной забвению.

«**После эдема/героя**» Молдова превращается в «беспризорную страну: следует длительный период, когда на престол Молдовы претендовал, кто хотел, восседал тот, у кого были деньги, и грабил, кто мог».

Даже вмешательство Петра I в правление Д. Кантемира не спасает положение. *Тяжелой и горькой* была судьба молдаван, которые сопровождали Д. Кантемира в Россию. Одни стали видными деятелями русской культуры и науки, другие добились высоких воинских званий. Большинство же рассеялось среди русскоязыкого мира Левобережья Днепра.

Впрочем, несмотря на обилие коварных врагов, молдаване и сами виноваты. «Историческая драма Молдовы и молдаван была в том, что по сути никто не протестовал, никто не сопротивлялся, чтобы не допустить раздела Молдовы». И главное, что завоеватели похищали народную память. «После 1812, 1862, 1918 гг. история Молдовы пишется завоевателями, отражая их точку зрения».

Но после «эдема» были и вполне приемлемые периоды существования.

Прежде всего это две эпохи мирного развития: 1812–1918 и 1945–1990 гг.

«В период 1812–1918 гг. в условиях Российской империи Молдова между Прутом и Днестром, пользуясь вначале определенными экономическими (налоговыми) и даже национально-культурными привилегиями (до середины XIX века молдавский язык был квазиофициальным), нашла свое место в империи и перестроила производство применительно к ее экономическому обороту. Длительный мирный период, усердно возделывая свои плодородные земли, молдаване и другие совместно проживающие с ними национальности жили в большинстве своем относительно обеспеченно, по меркам того времени, и особенно в сравнении с другими губерниями России. Национальное достоинство молдаван не было унижено». «Имперские переписи пользовались термином молдаване для названия мажоритарного населения Бессарабии, однако этот термин являлся самоназванием этого населения, а не выдумкой русских» (Ч. Кинг, 2000). Национально-культурные потребности не подавлялись. Они игнорировались.

В период 1812–1918 гг. молдаванам между Прутом и Днестром никто никогда не запрещал называться молдаванами, называть родной язык молдавским и свободно им пользоваться. Русская губернская и местная администрация просто не обращала внимания на национально-культурные потребности молдаван. Молдавский язык и культура не развивались.

«Экономические процессы в “Бессарабской губернии” проходили в тех же правовых рамках и в тех же условиях рыночной экономики, как и во всей России. Плодородная земля и самоотверженный труд давали свои плоды, попадавшие и на стол молдавских крестьян»...

«Период 1960–1990 годов, соотнесенный со всей современной историей Молдовы, может считаться поистине цветущим, несмотря на уничтожительные оттенки, придаваемые этому невинному прилагательному. В эти годы Молдавская Республика утвердила свое место и значение во всесоюзной экономической системе (и мировой), выйдя по некоторым отраслям на передовые позиции. На всесоюзном уровне республика лучше всех была обеспечена современным сельскохозяйственным оборудованием и техникой. Была построена сеть автодорог, которая еще не окончательно разрушена».

«Весь мир обошли фильмы *Последний месяц осени* (сценарий Иона Друцэ, режиссер Вадим Дербенёв), киноленты Эмила Лотяну *Лэутары*, *Табор уходит в небо*, во многих странах экспонировались полотна Элеоноры Романеску, Михаила Греку, Михаила Петрика, Валентины Русу-Чобану, графика Ильи Богдеско, Евгения Мереги, Георге Врабие, Аурела Давида и др. Трудно встретить подобное извержение творческих способностей, подобные достижения в литературе и искусстве за столь короткое время в соседних странах».

«Вопреки идеологическому давлению и при отсутствии по-настоящему демократической атмосферы, 1960–1990 годы явились периодом высвобождения творческого потенциала молдавского народа, настоящей “золотой эпохой” полного проявления и утверждения научных и художественных достижений, по своему значению равных свершениям XV–XVI веков».

«**Убогое настоящее**» просто ужасно. «Все – от мала до велика – государственные, правительственные, судебные, исполнительные структуры заполнены элементами политически (а значит, и экономически) коррумпированными, глубоко враждебными молдавской государственности, которые саботируют все действия и решения главы государства и парламента. Они открыто пренебрегают историей, культурой, языком и национальным достоинством молдавского народа». И «все это следствие того, что Республика Молдова – единственная страна на планете, граждане которой изучают историю другой страны».

«**Враги**». «Так уж предначертал Всевышний, чтобы молдаване с самого их появления постоянно защищали свои очаги...». Врагов, безусловно, много. Это и турки, и римляне, двуличные польские, впрочем, и венгерские короли, и даже временами русские, названные почему-то москалями, когда они пришли в

Молдову в 1739 г. Но главные и безусловные враги молдаван, конечно, румыны во всех исторических ипостасях (мунтяне, арделяне, валахи и т. д.). «Молдова, – как уже цитировалось выше, – это земля, в которой мудрость доминирует над волей». Существа критические и творческие, молдаване дали миру Эминеску, тогда как мунтяне (валахи) – Тудора Владимиреску-раскольника и Михая-захватчика.

Даже в древней балладе “Миорица” (XII–XIII вв.) богатому молдаванину противопоставлены жадные завистливые чужаки: унгуриянин и врынчанин. «Валахи более жестоки и опасны, чем турки. Антимолдавский фронт Турции, Валахии и татар в эпоху Штефана Великого становится решающим фактором разорения и кромсания Молдовы. Так было и в XV, и в XX и в XXI веках. Даже Эминеску, попавший под влияние румын, становится ксенофобом. В тумане политиканского дурмана и шовинизма (он) часто впадает в грех исторической деформации».

На этом фоне характеристики русских и России выглядят более чем положительными. «Несмотря на обиду, нанесенную стране отнятием “Бессарабии” от кровного тела ее, Молдовы, мы обязаны отблагодарить... россиян за победы над Турцией». Русская администрация хоть и нарушала «молдавские права и обычаи...», но она дала стабильность, отсутствие войн, строительство дорог и т. д.

«Предписания» В. Статьи скучны и банальны, как передовица «Правды». «Находящейся сегодня у власти политической силе выпала трудная задача создать широкую демократическую многонациональную коалицию, которая принципиально и последовательно на строго научной основе поддерживала бы исторические, политико-юридические и национально-культурные ценности Молдавского государства. Внимательно прислушаемся к мудрому совету народного писателя Иона Друцэ: “Чтобы вывести Молдову в один ряд с цивилизованными странами, нужно будет мобилизовать весь наш моральный и интеллектуальный потенциал. Это – самая важная, жизненная проблема, если хотите. У нас есть уникальный исторический шанс – конституционное большинство в парламенте. У нас не было и не будет впредь конституционного большинства в парламенте. Единственный раз и нам улыбнулась судьба, не упустим свой шанс”».

«Светлое будущее», вероятно, наступит с победой молдовенизма. **«Молдовенизм выражает национальное чувство молдаван, молдавский дух.** Он то, что для американцев американизм, для французов – французизм, для ромов – ромизм, для румын – румынизм. По всем международным актам **молдаване, как всякий другой народ, имеют полное право публично и свободно выражать – особенно в собственной стране – свое национальное чувство – молдовенизм».** Но для того, чтобы молдовенизм победил, нужен герой, образчик которого описан выше более чем подробно.

И в заключение. Чем вызвано появление подобных меседжей (характерных только для начальных стадий национальной мобилизации) по завершению 13 лет независимости и ее признания сотнями государств мира? Позволю себе объяснить это пространной цитатой из Э. Геллнера, не нуждающейся, на мой взгляд, в существенных комментариях.

«Новые государства оказались меньше и поэтому слабее, чем империи, которым они пришли на смену. Но это сокращение размеров и потенциала отнюдь не было компенсировано их этнической однородностью и, следовательно, большей сплоченностью населения. Проблема меньшинства встала не менее остро, чем она стояла в исчезнувших империях – пресловутых “тюрьмах народов”. Новые государства сами превратились в провинциальные тюрьмы для своих меньшинств. Причем эти меньшинства, то есть те, кто внезапно приобрел здесь статус меньшинства и все сопутствующие ирредентистские настроения, в прошлом нередко входили в состав этнических или лингвистических групп, культура которых была доминантной. Новый статус оказался для них непривычным и вызвал естественное негодование и сопротивление. Хотя они могли искать покровительства у своего, некогда родного им государства, призванного защищать их собственную культуру. Во всяком случае, им не надо было возрождать или изобретать былое величие своей нации, ибо они были живыми его свидетелями и воспоминания об этом – теперь горькие – еще стояли у них перед глазами.

Итак, новый международный порядок, установленный во исполнение принципа национализма, имел все пороки системы, которую он сменил, плюс целый ряд собственных. Последствия этого не заставили себя ждать».